Эмиль Хоффманн

АНАТОМИЯ ПРАВОВОГО ТЕРРОРА

Экспертиза как инструмент репрессий в современной России

Анатомия правового террора:

Экспертиза как инструмент репрессий в современной России

Эмиль Хоффманн

Оглавление

Введение

Глава 1. Институциональная ловушка: Генезис системы безнаказанности

Глава 2. Механизм провокации: Инициаторы «Томского казуса»

Глава 3. Методология подлога: Первая фаза фальсификации (ТГУ)

Глава 4. Индустрия плагиата: Вторая фаза фальсификации (КемГУ)

Глава 5. Цена истины: Сопротивление и карательная реакция

Глава 6. Мутация механизма: От университетов к фирмам-однодневкам

Глава 7. Современная практика уничтожения

Источники

Введение

В современной российской юриспруденции существует аксиома, негласно признаваемая всеми участниками судебного процесса: заключение эксперта — это «царица доказательств». В условиях, когда состязательность сторон часто носит номинальный характер, именно слово человека, обладающего специальными познаниями, становится тем рычагом, который переводит гражданина из статуса свободного человека в статус осужденного. Однако данное исследование ставит перед собой задачу вскрыть и проанализировать системную деформацию, поразившую этот институт. В России создан и успешно функционирует параллельный правовой механизм, где судебная экспертиза перестала быть инструментом установления истины и превратилась в орудие идеологического террора.

Центральным объектом данного анализа является деятельность структуры, известной как РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), и ее ключевых функционеров, включая Александра Дворкина. Данная группа, интегрировавшись в государственные институты (в частности, через Экспертный совет при Минюсте РФ), осуществила рейдерский захват сферы религиоведческой и психолого-лингвистической экспертизы.

Методология данного исследования базируется на принципах судебно-правового аудита. Исследование не оперирует эмоциональными оценками или конспирологическими теориями. Доказательная база строится на анализе материалов судебных дел, стенограмм заседаний, текстов экспертных заключений, финансовых документов и административных связей. В работе прослеживается эволюция этого механизма: от использования административного ресурса в государственных университетах до создания сети фиктивных фирм-однодневок, штампующих заключения по заказу силовых структур.

«Нулевым пациентом» этой эпидемии правового нигилизма, рассматривается так называемый «Томский казус» — попытка признания экстремистским материалом книги «Бхагавад-гита как она есть». Этот процесс, инициированный в 2011 году, стал полигоном, на котором отрабатывались технологии фальсификации, взаимодействия с ФСБ и прокуратурой, а также методы подавления академической

оппозиции. Несмотря на тактическое поражение заказчиков в томском суде, стратегически система сделала выводы, мутировала и стала еще более опасной.

Данная книга — это детальное исследование системы, где под видом «защиты духовной безопасности» происходит демонтаж базовых прав человека, а правосудие подменяется инквизиционным процессом, управляемым частными лицами с сомнительной квалификацией и очевидным конфликтом интересов. В работе раскрывается, как функционирует этот конвейер: от заказа в кабинете следователя до приговора в зале суда.

Глава 1. Институциональная ловушка: Генезис системы безнаказанности

Статья 307 УК РФ: Лицензия на ложь

Краеугольным камнем, на котором держится безопасность фальсификаторов, является статья 307 Уголовного кодекса Российской Федерации («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»). Формально данная норма призвана гарантировать объективность правосудия, устанавливая уголовную ответственность за искажение истины. Однако юридический анализ текста статьи и практики её применения вскрывает фундаментальную уязвимость, превращающую закон в значительной степени фикцию.

Ключевая проблема кроется в диспозиции статьи, требующей доказательства «заведомости» ложных показаний. В уголовном праве это соответствует понятию прямого умысла. Для привлечения эксперта к ответственности следствие обязано доказать не просто факт ошибочности выводов (что само по себе сложно в гуманитарных науках), а то, что эксперт *осознавал* ложность своих выводов и сознательно представил их как достоверные.

В точных науках (баллистика, трасология, ДНК-анализ) критерии истины объективны и верифицируемы. В гуманитарной сфере — религиоведении, психологии, лингвистике — граница между фактом и интерпретацией размыта. Это

позволяет некоторым ангажированным специалистам уходить от ответственности, используя универсальную линию защиты: «Это мое субъективное научное мнение», «Я принадлежу к особой научной школе» или «Я добросовестно заблуждался»

Как показывает анализ правоприменительной практики, доказать прямой умысел на ложь в таких условиях практически невозможно. Следствие сталкивается с непреодолимым барьером: необходимо проникнуть в сознание эксперта и доказать его субъективное намерение солгать. В результате статья 307 УК РФ становится «мертвой нормой» для гуманитарных экспертиз. Эксперт может называть белое черным, ссылаясь на «авторскую методику», и оставаться в правовом поле.

Более того, законодатель предусмотрел дополнительный механизм ухода от ответственности. Примечание к статье 307 УК РФ гласит, что эксперт освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно заявил о ложности своего заключения до вынесения приговора суда. Эта норма создает «подушку безопасности»: даже если фальсификация будет разоблачена в ходе процесса, эксперт может просто признать «ошибку» и выйти сухим из воды, в то время как подсудимый уже понесет репутационные и финансовые потери.

Таким образом, юридическая конструкция статьи 307 УК РФ де-факто легализует безответственность. Она создает среду, в которой эксперт не боится наказания за выполнение политического или идеологического заказа, поскольку риск уголовного преследования стремится к нулю.

Административный захват: Фактор 2009 года

Наличие законодательной лазейки само по себе не приводит к массовым репрессиям — для этого необходим субъект, который будет системно использовать этот дефект. Точкой бифуркации, когда теоретическая возможность злоупотреблений превратилась в государственную практику, стал 2009 год. Именно тогда произошла кардинальная трансформация Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

В 2009 году председателем Совета был назначен Александр Дворкин, президент общественной организации РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения

религий и сект). Это назначение ознаменовало собой отказ государства от принципа светской нейтральности и научной объективности в вопросах религии. Вместе с Дворкиным в состав Совета вошли его ближайшие соратники и идеологические единомышленники, такие как Роман Силантьев и Валиулла Якупов.

Фактически произошел «рейдерский захват» ключевого контрольного органа группой лиц, исповедующих радикальную антикультистскую идеологию. Экспертный совет, призванный быть фильтром для некомпетентных решений, превратился в штаб по их генерации.

Показательным манифестом новой кадровой политики стала фраза, приписываемая Александру Дворкину: «Я понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают». Этот циничный тезис идеально описывает методологию, внедренную в работу Совета. Компетентность, академические степени и научная репутация перестали быть критериями отбора. Главным качеством «нового эксперта» стала лояльность идеологии РАЦИРС и готовность выдавать нужные заключения по запросу силовых структур.

Под руководством Дворкина Совет начал функционировать не как научный орган, а как идеологический отдел. Были созданы условия, при которых статус «эксперта» могли получать люди без профильного образования, без ученых степеней, но с «правильной» гражданской позицией. Это привело к депрофессионализации экспертизы как института. Вместо глубокого научного анализа в судебную практику начали внедряться публицистические штампы, конспирологические теории и откровенная ксенофобия, упакованные в форму юридических документов.

«Царица доказательств» в условиях номинальной состязательности

В российской судебной системе заключение эксперта традиционно воспринимается как «царица доказательств». Судьи, не обладая специальными познаниями в области теологии, лингвистики или психологии, вынуждены полностью полагаться на выводы привлеченных специалистов. В теории, состязательность сторон должна позволять защите оспаривать эти выводы, привлекая альтернативных экспертов.

Однако на практике, после захвата Дворкиным контроля над профильным советом Минюста, суды стали априори отдавать предпочтение экспертам, аффилированным с этой структурой или разделяющим её идеологию. Заключение, подписанное «экспертом Минюста» (или лицом, рекомендованным структурами, близкими к РАЦИРС), приобретает для суда силу абсолютной истины, которую невозможно опровергнуть даже рецензиями докторов наук.

Профессиональные юристы отмечают, что гражданский и уголовный процесс в России устроен таким образом, что суд может игнорировать любые доказательства защиты, выстраивая решение исключительно на фундаменте экспертизы обвинения. Ошибка или умышленная ложь эксперта автоматически трансформируется в судебную ошибку, ломая судьбы людей. При этом сам эксперт, защищенный дефектами статьи 307 УК РФ, остается вне зоны досягаемости правосудия.

Юридическое сообщество неоднократно поднимало вопрос о необходимости реформирования этой сферы. Звучат предложения о создании реестра недобросовестных экспертов, о переводе преступления по ст. 307 УК РФ в категорию тяжких и увеличении наказания до 10 лет лишения свободы. Однако эти инициативы блокируются, поскольку существующее положение вещей выгодно бенефициарам репрессивной системы. Дворкин и его окружение, участвуя в рабочих группах по законотворчеству, активно лоббируют сохранение статус-кво и внесение поправок, легализующих их деятельность.

Деградация института экспертизы: От науки к симулякру

Последствием описанных выше процессов стала деградация института религиоведческой и гуманитарной экспертизы в России. Как отмечают исследователи А. Тимощук и К. Филькин, в стране сегодня фактически не существует института добросовестной экспертизы в этой сфере.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», по их формулировке, превратился в «прокрустово ложе», используемое «в нечистоплотных руках» как оружие для сведения счетов и подавления инакомыслия.

Система, выстроенная Дворкиным, породила феномен «экспертов-многостаночников» и фирм-однодневок. Если на начальном этапе использовался административный ресурс государственных вузов, то впоследствии схема, по описаниям в журналистских расследованиях, эволюционировала в сторону использования коммерческих структур (ООО, АНО), не имеющих ни научного штата, ни репутации.

Анализ показывает, что часто одни и те же фамилии фигурируют в делах по всей стране. Эти «специалисты» готовы проводить экспертизы по любым вопросам — от анализа священных текстов до психологии влияния, иногда без демонстрируемой профильной квалификации. Их заключения часто содержат признаки плагиата, копирования текстов из обвинительных заключений других дел и использование ненаучной терминологии («тоталитарная секта», «зомбирование»), не имеющей юридического определения.

Отсутствие жестких квалификационных фильтров позволяет привлекать к написанию судебных экспертиз случайных людей. Это могут быть инженеры, педагоги непрофильных дисциплин или частные лица, чья единственная компетенция — прохождение краткосрочных курсов или личная преданность структурам РАЦИРС. При этом в процессуальном смысле их подпись на документе может иметь сопоставимую юридическую значимость после принятия судом, независимо от академических регалий.

Заключение

Таким образом, к концу 2011 года — к моменту начала и рассмотрения «Томского казуса» — в России сложилась институциональная база, создававшая риски злоупотреблений в сфере “экстремистских” преследований.

Во-первых, статья 307 УК РФ, требующая доказательства прямого умысла, создала непреодолимый барьер для привлечения лжеэкспертов к ответственности, предоставив им карт-бланш на фальсификации под видом «субъективного мнения».

Во-вторых, захват Александром Дворкиным Экспертного совета при Минюсте в 2009 году обеспечил административное прикрытие для внедрения идеологически ангажированных псевдоэкспертов в судебную систему. Был создан механизм, где

эксперт — это не независимый ученый, а функциональный придаток обвинения, «тот, у кого спрашивают».

В-третьих, судебная практика, возводящая экспертизу в ранг неоспоримого доказательства, замкнула этот круг, лишив жертв преследования эффективных средств защиты.

Эта система не возникла стихийно. Она является результатом последовательных действий по демонтажу правовых предохранителей. Созданная «институциональная ловушка» ждала лишь повода, чтобы захлопнуться.

И этим поводом стала попытка признания книги «Бхагавад-гита как она есть» экстремистской в Томске, где теоретическая модель репрессивного применения экспертиз была одним из наиболее известных кейсов, испытанных на практике в заметном публичном масштабе.

Глава 2. Механизм провокации: Инициаторы «Томского казуса»

Спецоперация вместо правосудия

Как было установлено в первой главе, к 2011 году в России сложилась институциональная среда, позволяющая использовать судебную экспертизу как инструмент легализации репрессий. Однако наличие инструмента не означает его автоматического применения. Необходим оператор — субъект, который инициирует процесс, координирует действия разрозненных ведомств и обеспечивает идеологическое прикрытие.

Анализ материалов дела о попытке запрета книги «Бхагавад-гита как она есть» в Томске позволяет утверждать: данный процесс не был спонтанным актом реагирования прокуратуры на нарушение закона. Совокупность фактов, хронологии и свидетельских показаний указывает на то, что мы имеем дело со спланированной спецоперацией. В её архитектуре четко прослеживается взаимодействие трех сил: регионального управления ФСБ (оперативное

сопровождение), прокуратуры (юридическое оформление) и структуры РАЦИРС (идеологический заказ и медийное обеспечение).

В данной главе мы проведем аудит действий инициаторов процесса, чтобы вскрыть механизм запуска «Томского казуса».

Прокуратура как инструмент легализации: Фактор Федотова

Официальной точкой отсчета процесса считается 30 июня 2011 года. Именно в этот день прокурор города Томска Виктор Федотов обратился в Ленинский районный суд с требованием признать книгу экстремистским материалом. В документе указывалось, что действия производятся в интересах «Российской Федерации и неопределенного круга лиц».

Однако анализ обстоятельств подачи иска выявляет ряд аномалий, ставящих под сомнение самостоятельность прокурорского решения.

Во-первых, временной разрыв. Материалы, легшие в основу иска (экспертное заключение), были готовы еще в октябре 2010 года. Прокуратура «держала паузу» более восьми месяцев. Это нехарактерно для надзорного органа, обязанного незамедлительно реагировать на признаки экстремизма. Такая задержка, предположительно, свидетельствует о том, что прокуратура ожидала внешней команды или политического согласования.

Во-вторых, реакция правозащитного сообщества. Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин охарактеризовал иск Федотова как «очень странный», отметив, что борьба с терроризмом подменяется борьбой с толкованием древних текстов.

В-третьих, финансовые аномалии. При изучении открытых данных деклараций о доходах прокурора Виктора Федотова обращает на себя внимание всплеск благосостояния в период 2011–2012 годов, совпадающий с активной фазой процесса. Хотя прямая причинно-следственная связь юридически не доказана, в контексте антикоррупционного анализа такие совпадения рассматриваются как индикатор риска («red flag»), указывающий на возможную внешнюю мотивацию должностного лица.

Таким образом, по мнению критиков, прокуратура выступала процессуальным каналом легализации материалов, подготовленных другими участниками.

Теневой куратор: Роль ФСБ и агента Великоцкого

По ряду публичных описаний процесса, важную роль в предыстории сыграли силовые структуры; в частности, в суде заявлялось, что проверка велась УФСБ по Томской области. Материалы судебных заседаний (в пересказах) указывают, что инициатива по поиску признаков экстремизма в книге связывалась с проверкой УФСБ по Томской области.

Ключевой фигурой на этом этапе являлся сотрудник ФСБ Дмитрий Великоцкий. Его действия выходили за рамки стандартных оперативно-розыскных мероприятий и носили характер целенаправленного конструирования доказательной базы.

Согласно показаниям Сергея Аванесова (декана философского факультета ТГУ), данным непосредственно в зале суда, в 2010 году к нему обратился сотрудник ФСБ с просьбой организовать экспертное заключение. Более того, сотрудник спецслужбы лично выходил на других участников будущей экспертной группы, в частности на Валерия Наумова, минуя официальные каналы коммуникации с руководством университета.

Методы работы Великоцкого подтверждаются и другими источниками. Ольга Орлова, заведующая кафедрой в Томском государственном педагогическом университете, сообщила, что представители УФСБ предлагали ей составить экспертизу с обвинительным уклоном. Орлова отказалась участвовать в фальсификации, что вынудило кураторов искать более сговорчивых исполнителей в ТГУ.

Этот факт имеет фундаментальное значение: следствие не «нашло» экспертов, которые объективно обнаружили экстремизм. Следствие *искало* конкретных людей, готовых написать нужный текст под диктовку. Отказ добросовестных ученых (как Орлова) и привлечение зависимых фигур доказывает, что результат экспертизы был предопределен заказчиком — ФСБ — еще до начала исследования.

Идеолог и координатор: Максим Степаненко и след РАЦИРС

Если ФСБ обеспечивало административный ресурс, то идеологическое наполнение и информационную координацию осуществляла структура РАЦИРС в лице Максима Степаненко. На момент событий он возглавлял миссионерский отдел Томской епархии РПЦ, но де-факто действовал как региональный представитель Александра Дворкина.

Степаненко — фигура, идеально иллюстрирующая кадровую политику РАЦИРС. По образованию ветеринар, не имеющий религиоведческой или юридической квалификации, он компенсировал отсутствие знаний радикальным фанатизмом. Александр Дворкин характеризовал его как «настоящего буйного», на котором держится работа.

Роль Степаненко в «Томском казусе» не ограничивалась публичной поддержкой обвинения. Анализ хронологии публикаций вскрывает его функцию как связного между силовиками и общественностью.

Доказательство координации: 29 июня 2011 года — за сутки до официальной подачи иска прокурором — на подконтрольном Степаненко ресурсе «К Истине» появляется разгромная статья о книге «Бхагавад-гита как она есть». В тексте статьи содержатся тезисы и формулировки, текстуально совпадающие с выводами экспертизы ТГУ 2010 года.

На тот момент экспертиза была секретным документом, находившимся в материалах доследственной проверки ФСБ. Доступ к ней имели только сотрудники спецслужб и прокуратуры. Тот факт, что Степаненко использовал данные закрытой экспертизы до официального начала суда, показывает:

1. Существовал прямой канал обмена информацией между ФСБ/прокуратурой и представителем РАЦИРС.

2. Медийная атака была синхронизирована с юридической (статья выходит накануне иска для подготовки общественного мнения).

Профессор Николай Карпицкий, проводивший независимое расследование, указывает: ФСБ держала дело в секрете с октября 2010 года. Если бы Степаненко действовал автономно, он не мог бы знать о готовности прокуратуры подать иск именно в конце июня 2011 года.

Сам Степаненко впоследствии комментировал провал процесса, упоминая «ошибочный выбор экспертов» и отсутствие «грамотного информационного сопровождения», фактически признавая, что процесс был управляемым проектом, менеджмент которого дал сбой. В своих публикациях он открыто называет себя «адептом секты Дворкина», подтверждая иерархическую подчиненность московскому центру.

Механизм взаимодействия: Треугольник террора

На основании вышеизложенного можно реконструировать архитектуру провокации. Это не было линейным процессом, а представляло собой замкнутый цикл взаимодействия:

- **Идеологический контур (РАЦИРС/Дворкин):**

  Формирует идеологическую установку на признание вайшнавизма опасным течением. Через Степаненко на местах создается напряжение (снос домов в Кандинке, медийные атаки).

- **Операционный контур (ФСБ/Великоцкий):**

  Используя оперативные возможности, подбирает лояльных исполнителей в академической среде (ТГУ) для фабрикации оснований под запрет.

- **Процессуальный контур (Прокуратура/Федотов):**

  Превращает оперативную справку и сомнительную экспертизу в официальный судебный иск, придавая преследованию вид законности.

Этот треугольник работал скрытно до момента передачи дела в суд. Сбой произошел лишь на этапе публичных слушаний, когда качество «продукта», созданного завербованными экспертами, оказалось настолько низким, что не выдержало столкновения с реальной состязательностью сторон.

Заключение

Расследование обстоятельств инициации «Томского казуса» позволяет сделать вывод: судебный процесс был результатом сговора. Прокурор Виктор Федотов,

сотрудник ФСБ Дмитрий Великоцкий и представитель РАЦИРС Максим Степаненко действовали как единая группа, где каждому была отведена своя роль.

Ключевым элементом этой схемы, однако, оставался сам текст экспертного заключения. Без документа, на котором стояла бы печать государственного университета и подписи людей с учеными степенями, ни оперативная разработка ФСБ, ни медийная истерия Степаненко не могли бы трансформироваться в судебное решение.

Именно поэтому следующим этапом нашего исследования станет детальный аудит того самого документа, который Дмитрий Великоцкий заказал в Томском государственном университете.

Глава 3. Методология подлога: Первая фаза фальсификации (ТГУ)

Как было установлено в предыдущих главах, к 2011 году в России сложился устойчивый альянс между силовыми структурами (ФСБ), надзорными органами (прокуратура) и идеологическими центрами (РАЦИРС), нацеленный на преследование религиозных меньшинств. Однако для запуска репрессивного механизма в правовом поле требовался легитимизирующий документ — заключение эксперта, которое трансформировало бы идеологическую неприязнь в юридический факт «экстремизма».

В данной главе мы проведем детальный судебно-правовой аудит документа, ставшего формальным основанием для «Томского казуса» — «Комплексного экспертного заключения» от 25 октября 2010 года, подписанного сотрудниками Томского государственного университета (ТГУ) Сергеем Аванесовым, Валерием Свистуновым и Валерием Наумовым.

Статус документа: Присвоение полномочий и разрыв цепи

Первым этапом аудита является проверка правомочности экспертной группы. В нормальной правовой практике судебная экспертиза назначается постановлением следователя или определением суда, которое направляется руководителю экспертного учреждения. Руководитель, в свою очередь, поручает работу конкретным сотрудникам, предупреждая их об уголовной ответственности.

В случае с первой экспертизой по «Бхагавад-гите» эта процедура была полностью проигнорирована, что превращает полученный документ в юридический фантом.

В ходе судебного разбирательства защита представила ключевое доказательство — официальную справку из администрации Томского государственного университета. В документе за подписью руководства вуза черным по белому значилось: университет не уполномочивал сотрудников Аванесова, Свистунова и Наумова на проведение данной экспертизы. Приказа о создании экспертной комиссии не издавалось, официальный запрос из ФСБ или прокуратуры через канцелярию ректората не проходил.

Это означает, что группа преподавателей действовала в частном порядке, используя бренд федерального университета для придания веса своим личным (или навязанным извне) суждениям. Фактически, речь идет о служебном подлоге или превышении полномочий: частные лица использовали ресурсы и репутацию государственного учреждения для выполнения заказа спецслужб, минуя официальную иерархию.

Сергей Аванесов, декан философского факультета, в своих показаниях подтвердил «теневой» характер заказа. Он сообщил суду, что выполнял лишь организаторские функции по просьбе сотрудника ФСБ, не проводя исследования лично. Валерий Наумов также показал, что материалы для анализа (книгу и вопросы) ему передал лаборант кафедры, а сами вопросы не были заверены подписями или печатями уполномоченных органов.

Таким образом, была нарушена процессуальная «цепь сохранности» доказательств. Эксперты работали с материалами неизвестного происхождения, по незаверенному заданию, без официального приказа работодателя. С юридической точки зрения, документ от 25 октября 2010 года не являлся экспертизой ТГУ — это было частное мнение трех граждан, незаконно использовавших бланк университета.

Конфликт интересов: Фактор Аванесова

Объективность экспертизы предполагает отсутствие у эксперта личной заинтересованности в исходе дела. Однако анализ биографии и связей руководителя группы Сергея Аванесова вскрывает очевидный конфликт интересов, который должен был стать основанием для его отвода еще на этапе следствия.

Аванесов, занимая пост декана философского факультета светского вуза, одновременно являлся преподавателем Томской духовной семинарии Русской Православной Церкви. Этот факт указывает на его конфессиональную вовлечённость, что приобретает значение в контексте подготовки религиоведческого заключения по делу вайшнавской общины.
В материалах независимых расследований указывается, что антикультовые структуры, включая представителей РАЦИРС и миссионерских подразделений РПЦ, активно формировали негативный фон вокруг движения вайшнавов.

В тексте экспертного заключения данная конфессиональная перспектива, по мнению ряда критиков, проявилась достаточно отчётливо. Независимые рецензенты (в частности, религиовед и журналист Андрей Мельников, публиковавшийся в «НГ-Религии») отметили, что эксперты систематически сопоставляли положения «Бхагавад-гиты как она есть» с христианскими, преимущественно православными, догматами, используя их в качестве нормативной точки отсчёта. Отклонения от христианской картины мира интерпретировались как признаки «сектантского характера» или «искажённого религиозного сознания», что противоречит принципам нейтральной религиоведческой экспертизы.

Методологически это абсурд: оценивать древний индуистский текст через призму христианского богословия так же некорректно, как оценивать Уголовный кодекс с точки зрения законов шариата. Однако для Аванесова и его группы это было нормой. Они выступали не как ученые религиоведы, обязанные соблюдать нейтралитет, а как теологи-апологеты, защищающие «каноническую территорию» от конкурентов.

«Компонентный анализ»: Инструмент подмены контекста

Центральным элементом фальсификации стала лингвистическая часть экспертизы, выполненная Валерием Наумовым. Именно в рамках этой экспертизы был использован метод, обозначенный как «компонентный анализ», позволивший квалифицировать отдельные фрагменты древнего религиозного текста как экстремистские, что и стало предметом профессиональных возражений. Сам эксперт обозначил применяемый подход как «компонентный анализ».

На допросе в суде Наумов дал шокирующее для филолога определение своей методики: «контекст не учитывается, а текст раскладывается на минимальные семантические единицы». Иными словами, эксперт сознательно абстрагировался от контекста, рассматривая отдельные слова и выражения вне связи с предложениями и абзацами, анализируя их словарные значения в отрыве от авторского замысла, религиозной метафорики и историко-культурного контекста, что противоречит базовым принципам филологического анализа.

Применение этого метода на практике выглядело следующим образом: 1. Эксперт находит в тексте слова «свиньи», «ослы», «глупцы». 2. Игнорирует тот факт, что в тексте идет речь о философской полемике с материалистами или о людях, игнорирующих духовное развитие (традиционная для священных текстов риторика, свойственная и Библии, и Корану). 3. На основании словарного значения слов делает вывод: автор унижает человеческое достоинство группы лиц по признаку отношения к религии.

Когда защита указала, что слово «глупец» в контексте полемики пятитысячелетней давности не является призывом к насилию, Наумов ответил, что «авторский замысел им не рассматривался». На вопрос о том, является ли такой метод общепризнанным в науке, эксперт заявил, что он «кажется приемлемым лично ему».

Апофеозом непрофессионализма стали выводы Наумова, построенные на вероятностных суждениях. В заключении он использовал формулировки: «значение призыва *может восприниматься* в данных контекстах». На суде он пояснил: «может восприниматься, а может и не восприниматься». Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, экспертное заключение не может носить предположительный характер и должно содержать однозначные выводы, иначе оно не обладает доказательственной силой. Тем не

менее именно такие неопределённые формулировки были использованы стороной обвинения в обоснование прокурорского иска.

Кроме того, в ходе судебного заседания судья Галина Бутенко обратила внимание на существенные расхождения между текстом заключения и оригиналом книги, что было зафиксировано в материалах процесса. Ряд цитат, приведённых в экспертном заключении как доказательство экстремизма, не обнаруживались на указанных страницах издания. Наумов приписывал тексту слова, которых там не было, или конструировал фразы, склеивая обрывки разных предложений.

Индустрия плагиата: Источники «научного» знания

Если лингвистическая часть экспертизы вызывала серьёзные методологические вопросы, то религиоведческая и философская части, подготовленные Валерием Свистуновым, подверглись жёсткой критике с точки зрения источников и исследовательской добросовестности. Свистунов сообщил в суде, что до получения задания от Аванесова не был знаком с текстом «Бхагавад-гиты», а времени на его систематическое изучение у него не было.

Как же было написано «исследование»? Ответ эксперта вскрыл механику производства репрессивных экспертиз: он пользовался материалами с «антисектантских сайтов», что вызвало дополнительные вопросы к качеству и нейтральности исследования.

Текстологический анализ заключения, проведенный стороной защиты и независимыми специалистами (С.И. Иваненко), выявил обширные заимствования (плагиат) с интернет-ресурсов, контролируемых РАЦИРС и лично Александром Дворкиным. Вместо того чтобы анализировать первоисточник, «эксперт» ТГУ копировал пропагандистские штампы с форумов, где вайшнавизм именовался «тоталитарной сектой», а верующие — «зомбированными адептами».

Это объясняет, почему выводы томских экспертов текстуально совпадали с выводами экспертов и публикациями антикультовых авторов, появившимися незадолго до суда, что, указывало на использование общего идеологического корпуса материалов.

Свистунов также заявил, что проводил «философское исследование», а не судебную экспертизу, пытаясь таким образом снять с себя ответственность за юридические последствия своего труда. При этом именно его подпись стояла под документом, который был приобщён к материалам дела и использован стороной обвинения, в качестве одного из ключевых обоснований иска.

Реакция научного сообщества: Профессиональная критика экспертизы

Качество работы группы Аванесова-Наумова-Свистунова вызвало беспрецедентную реакцию в академической среде. Обычно ученые стараются соблюдать корпоративную этику и не критиковать коллег публично. Но в данном случае степень профанации науки была настолько вопиющей, что молчание стало невозможным.

На конференции в ТГУ, прошедшей в разгар судебного процесса (февраль 2012 года), участники научного обсуждения сформулировали коллективную позицию, отражённую в резолюции. В документе, подписанном рядом ведущих учёных (включая И. Глушкову, Институт востоковедения РАН, и О. Хазанова, ТГУ), мнение томских экспертов было охарактеризовано как «непрофессиональное, вненаучное и ангажированное». Участники конференции указали на неприемлемость научной и нравственной позиции экспертов, которые, не обладая профильной квалификацией, поставили свои подписи под документом, использованным в судебном разбирательстве.

Олег Хазанов, заведующий кафедрой философии ТГУ, отметил показательный парадокс: в университете работают специалисты, десятилетиями изучающие индуизм и индийскую философию, однако при подготовке экспертизы к ним не обратились. Данный выбор экспертов свидетельствовал о том, что приоритетом было не всестороннее научное исследование, а получение выводов, соответствующих заранее заданной рамке.

Заключение

Аудит первой экспертизы по «Томскому делу» позволяет сделать однозначные выводы:

- Юридическая ничтожность: Документ был создан частными лицами без официальных полномочий от университета, с нарушением процессуального порядка назначения экспертизы.
- Методологическая несостоятельность: Использование «компонентного анализа» (игнорирование контекста) и вероятностных выводов противоречит базовым принципам лингвистики и права.
- Фальсификация источников: Основой для выводов послужил не анализ текста книги, а плагиат с пропагандистских ресурсов, связанных с РАЦИРС.
- Идеологическая ангажированность: Руководитель группы имел прямой конфликт интересов как представитель РПЦ.

Экспертиза ТГУ 2010 года была не научным трудом, а идеологическим памфлетом, оформленным под видом юридического документа. В нормальной судебной системе такое «доказательство» было бы исключено из дела, а его авторы подверглись бы профессиональному остракизму.

Однако в системе, выстроенной кураторами «Томского казуса», провал первой экспертизы стал лишь тактической неудачей. Столкнувшись с тем, что документ ТГУ рассыпается под перекрестным допросом, обвинение не отказалось от своих планов. Оно просто сменило подрядчика.

На смену томским философам были призваны «универсальные солдаты» из Кемеровского государственного университета. По оценкам независимых специалистов, применяемые ими методы отличались ещё большей редукцией контекста и шаблонностью, что усиливало критику этих экспертиз как инструментальных и ориентированных на заранее заданный результат.

Глава 4. Индустрия плагиата: Вторая фаза фальсификации (КемГУ)

Первая попытка легализовать запрет книги «Бхагавад-гита как она есть» через экспертное заключение сотрудников Томского государственного университета

(ТГУ) потерпела крах. Вскрывшиеся факты отсутствия официальных полномочий у экспертов, конфликт интересов и методологическая несостоятельность «компонентного анализа» сделали документ юридически ничтожным. В нормальной правовой системе это означало бы прекращение дела за отсутствием состава преступления. Однако в логике репрессивного механизма, запущенного связкой ФСБ—Прокуратура—РАЦИРС, провал первой фазы означал лишь необходимость смены исполнителя.

География подлога: Почему Кемерово?

30 августа 2012 года, после фактического дезавуирования заключения ТГУ, прокуратура заявила ходатайство о назначении новой экспертизы. Выбор учреждения — Кемеровский государственный университет — не был случайным.

В аналогичных случаях судебная практика нередко предполагает обращение к крупным научным центрам, таким как Москва или Санкт-Петербург, обладающим признанными школами востоковедения и религиоведения. Однако в данном деле обвинение настояло на передаче материалов в соседний регион — Кемеровскую область.

Анализ ситуации показывает, что этот выбор был продиктован двумя факторами.

Во-первых, к этому моменту в Томске сложилась устойчивая публичная критика первоначальной экспертизы со стороны академического сообщества, что существенно осложняло повторное привлечение местных специалистов. Во-вторых, Кемеровская область исторически находилась под сильным влиянием структур РПЦ и антикультистского лобби, что гарантировало «правильный» результат.

В состав новой комиссии вошли:

1. Алексей Горбатов — доктор исторических наук (религиоведение).

2. Михаил Осадчий — кандидат филологических наук (лингвистика).

3. Сергей Дранишников — преподаватель (психология).

Примечательно, что в составе комиссии вновь отсутствовали специалисты по индуизму, санскриту или индийской философии, что вновь вызвало критику со

стороны религиоведов и востоковедов, указывавших на несоответствие профиля экспертов предмету исследования.

Кадровый аудит: Некомпетентность как квалификационное требование

Анализ профессиональных профилей назначенных экспертов выявил существенные вопросы к соответствию их квалификации предмету исследования, что стало одним из ключевых аргументов стороны защиты.

Алексей Горбатов (Религиоведение): Формально обладая учёной степенью доктора наук, Горбатов специализировался преимущественно на истории Русской Православной Церкви в Сибири. В его опубликованной библиографии отсутствовали работы, посвящённые индуизму, санскриту или индийской религиозно-философской традиции, что неоднократно отмечалось в ходе судебного разбирательства. Защита также указывала на возможный конфликт интересов, поскольку Горбатов являлся соавтором публикаций представителей Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской Православной Церкви. По мнению защиты, привлечение специалиста, профессионально связанного с одной конфессиональной традицией, к оценке священных текстов другой религии ставит под сомнение принцип экспертной нейтральности.

Сергей Дранишников (Психология): Фигура психолога вызывает наибольшие вопросы. На момент проведения экспертизы Дранишников занимал должность преподавателя и не имел ученой степени (кандидата или доктора наук). В судебной практике проведение сложных комплексных экспертиз по делам об экстремизме доверяется специалистам высшей квалификации. Привлечение рядового преподавателя без научного статуса свидетельствует о кадровом голоде заказчиков: серьезные ученые отказывались участвовать в процессе, и систему пришлось комплектовать случайными людьми.

Технология «Copy-Paste»

Ключевым доказательством фальсификации является лингвистическая часть экспертизы, выполненная Михаилом Осадчим. Анализ текста заключения

вскрывает шокирующий факт: выводы эксперта не были результатом исследования книги «Бхагавад-гита как она есть». Они были скопированы из других уголовных дел.

При сопоставлении текста заключения Осадчего с текстами экспертиз, ранее фигурировавших в процессах против Свидетелей Иеговы (организация запрещена в РФ), были выявлены дословные совпадения отдельных фрагментов и абзацев, что зафиксировано в материалах стороны защиты.

Сравнительный анализ выявил:

1. Идентичность формулировок: Обороты речи, описывающие «негативный образ» и «противопоставление групп», совпадали слово в слово.

2. Сохранение контекстных несоответствий: В тексте экспертизы по «Бхагавад-гите» сохранялись конструкции и аргументационные ходы, характерные для анализа христианских конфессий, что выглядело методологически несоразмерным индуистскому контексту.

3. Шаблонность обвинения: Лингвист использовал универсальную матрицу: «Группа А (верующие) противопоставляется Группе Б (неверующие), следовательно, разжигается ненависть».

Этот метод «универсального экстремизма» позволил Осадчему механически переносить выводы, сформированные в рамках иных дел, на принципиально иной религиозный текст, без самостоятельного анализа его семантики и традиции. Это не научный анализ — это бюрократический подлог. Эксперт не исследовал семантику текста, он подгонял его под заранее написанный вердикт.

Особый цинизм ситуации придает тот факт, что Михаил Осадчий, будучи специалистом по стилистике и риторике, должен был понимать недопустимость таких манипуляций. Его действия выходят за рамки профессиональной ошибки и лежат в плоскости сознательного искажения фактов в угоду заказчику.

Конструктор «Неопределенной группы лиц»

Для обоснования обвинений в экстремизме в условиях отсутствия конкретно установленных потерпевших кемеровские эксперты (в частности, Осадчий и

Дранишников) применили широко трактуемую правовую категорию — понятие «неопределённая группа лиц».

В своих выводах они указали, что текст книги содержит высказывания, которые могут рассматриваться как оскорбительные для «неопределённой группы лиц», а также содержит положения, интерпретированные ими как оправдывающие ограничение свободы женщин.

Этот конструкт является классическим инструментом репрессивной экспертизы. Поскольку в «Бхагавад-гите» (как и в Библии или Коране) содержится критика материализма и бездуховности, эксперты интерпретировали это как унижение достоинства всех людей, не разделяющих соответствующую мировоззренческую позицию.

Абсурдность этого подхода была отмечена в рецензиях ведущих московских специалистов. Доктор филологических наук Д.О. Добровольский (Институт русского языка им. В. Виноградова РАН) и доктор психологических наук В.Ф. Спиридонов (РГГУ) в своих отзывах указали, что методология кемеровских экспертов позволяет признать экстремистским любой религиозный или философский текст, содержащий полемику.

Если следовать логике Осадчего и Дранишникова, фраза «глупец, не ведающий истины» в философском трактате является уголовным преступлением, так как оскорбляет «социальную группу глупцов».

Раскол в группе: Сбой программы

Несмотря на тщательный отбор исполнителей, система дала сбой даже внутри самой экспертной группы КемГУ. Религиовед Алексей Горбатов, несмотря на свою аффилированность с РПЦ, в итоговом тексте заключения указал, что исследуемая книга не содержит признаков экстремизма.

Этот факт имеет фундаментальное значение. Эксперт, отвечавший за религиоведческую часть, не обнаружил в тексте признаков возбуждения вражды или ненависти. Обвинение было построено исключительно на выводах лингвиста и психолога — людей, не понимающих религиозного контекста и использовавших шаблонные заготовки.

Это противоречие внутри «Комплексной экспертизы» (стр. 40 заключения) ставило под сомнение её целостность и доказательственную ценность, поскольку выводы экспертов не совпадали по ключевому вопросу наличия экстремизма. Невозможно признать материал экстремистским, если религиовед утверждает обратное, а лингвист и психолог противоречат ему, используя copy-paste.

Тем не менее суд и сторона обвинения не придали этим расхождениям решающего значения. Для них ценность представляли только те страницы, где Осадчий и Дранишников (чьи тексты местами совпадали буквально) утверждали наличие признаков экстремизма, в то время как выводы Горбатова не были положены в основу позиции обвинения.

Психологическая фикция Сергея Дранишникова

Отдельного анализа заслуживает психологическая часть экспертизы. Сергей Дранишников, не имея ученой степени, взялся решать вопросы, требующие глубочайших познаний в области психологии влияния и семантики.

В своем исследовании он использовал термин «манипуляция сознанием», который не имеет юридического определения в российском праве. На вопрос суда о том, как именно книга «воздействует на систему социальных представлений», Дранишников не смог дать внятного научного объяснения, ограничившись общими фразами о «негативном влиянии».

Рецензия доктора психологических наук А.Е. Наговицына (МГУ) камня на камне не оставила от построений Дранишникова. Указывалось, что вместо психологического анализа в заключении воспроизводятся идеологически окрашенные оценки, а приписывание тексту способности «зомбировать» читателя не сопровождалось ни эмпирическими данными, ни ссылками на валидированные методики психологического исследования.

Фактически, Дранишников выполнял роль «подпевалы» для лингвиста Осадчего. Их выводы были синхронизированы настолько, что возникало подозрение в авторстве одного лица. Это подтверждает тезис о том, что экспертиза писалась не тремя независимыми учеными, а единым центром координации, спускавшим готовые формулировки.

Реакция защиты: Вскрытие плагиата

Сторона защиты, получив текст экспертизы КемГУ 15 декабря 2011 года, провела оперативную работу по его деконструкции. Адвокаты представили суду не только рецензии докторов наук, но и сравнительные таблицы, наглядно демонстрирующие плагиат Осадчего.

Было заявлено ходатайство о назначении третьей экспертизы, так как противоречия между выводами религиоведа (нет экстремизма) и лингвиста/психолога (есть экстремизм) были неустранимы. Защита предложила привлечь ученых из Барнаула, Урала или Санкт-Петербурга, обладающих профильной экспертизой в области востоковедения и религиоведения.

Более того, защита приобщила к делу инициативное исследование текста, выполненное экспертами из Барнаула. Отвечая на те же вопросы, барнаульские ученые пришли к диаметрально противоположным выводам, используя при этом прозрачную научную методологию, описанную в тексте заключения. Сравнение двух документов — 40 страниц «копипаста» из Кемерово и объемного научного труда из Барнаула — наглядно демонстрировало пропасть между заказной халтурой и полноценным научным исследованием.

Экспертиза КемГУ стала документом, который окончательно дискредитировал сторону обвинения. Вместо «царицы доказательств» прокуратура представила суду продукт интеллектуального воровства и некомпетентности.

Однако, даже полное разоблачение экспертов не остановило маховик репрессий. Напротив, система ответила на научную аргументацию административным давлением, превратив судебный процесс в битву не на жизнь, а на смерть, где ценой истины стали карьеры и судьбы честных ученых.

Глава 5. Цена истины: Сопротивление и карательная реакция

К концу 2011 года архитекторы «Томского казуса» сформировали, казалось бы, безупречную конструкцию обвинения. Она опиралась на административный ресурс ФСБ, легализацию через прокуратуру и использование сфабрикованных экспертиз от ТГУ и КемГУ. Однако судебный процесс, задуманный как показательная казнь инакомыслия, неожиданно для инициаторов превратился в поле ожесточенной битвы, где на одной чаше весов оказался административный произвол, а на другой — консолидированная позиция научного сообщества и гражданского общества.

Победа в томском суде, ставшая уникальным прецедентом в современной российской практике, была достигнута не благодаря работе правовой системы, а вопреки ей — через беспрецедентное сопротивление независимых ученых и международное давление. Однако этот триумф здравого смысла оказался пирровым для его участников. Система, не сумев победить в правовом поле, перешла к тактике внесудебных расправ. Репрессивный аппарат трансформировал свое поражение в кампанию точечного давления в отношении тех, кто посмел разоблачить механизм фальсификации.

Деконструкция обвинения: Битва компетенций

Судебные заседания в Ленинском районном суде Томска стали не просто спором о тексте книги, а столкновением двух миров: мира псевдонаучной имитации, созданного структурами РАЦИРС, и мира академической науки.

Сторона защиты сделала акцент на проверке профессиональной и методологической состоятельности экспертиз, представленных обвинением. Ключевую роль в этом сыграли привлеченные специалисты: доктор философских наук Николай Карпицкий, доктор филологических наук Николай Серебренников и известный религиовед Сергей Иваненко.

Их выступления поставили под сомнение заявленную объективность экспертных заключений, представленных стороной обвинения. Как следует из стенограмм

заседаний, Николай Карпицкий не просто указал на ошибки в заключении ТГУ, но и вскрыл методологию подлога. Он продемонстрировал суду, что так называемый «научный анализ» представляет собой компиляцию текстов с пропагандистских ресурсов, не имеющих отношения к науке.

Решающий удар по позиции обвинения нанесла справка из администрации Томского государственного университета, представленная защитой. Документ официально подтверждал: университет не уполномочивал сотрудников Аванесова, Свистунова и Наумова на проведение экспертизы. Это превратило «государственную экспертизу» в частное мнение лиц с конфликтом интересов (как было установлено, Аванесов был связан с семинарией РПЦ).

Сергей Иваненко, в свою очередь, представил суду развёрнутый религиоведческий анализ, в котором указывалось, что «признаки экстремизма», выявленные экспертами, являются следствием некорректного прочтения текста, основанного на игнорировании принципов религиозной герменевтики и жанровой специфики священных текстов. Он подчеркнул, что методы, примененные обвинением, позволяют запретить практически любой священный текст, включая Библию и Коран.

Международный резонанс: Фактор Индии

Важнейшим внешним фактором, который не учли антикультовые игроки, стала реакция международного сообщества. Попытка запрета «Бхагавад-гиты» — книги, имеющей фундаментальное значение для индуистской традиции и миллионов верующих по всему миру, — вышла далеко за пределы регионального судебного спора.

Ситуация действительно вызвала международный резонанс и дипломатическую реакцию со стороны Индии. Работа парламента Индии была приостановлена в знак протеста против происходящего в России. Министр иностранных дел Индии С. М. Кришна выступил с публичным заявлением, назвав попытку признания «Бхагавад-гиты» экстремистской абсурдной и недопустимой. Глава Ассоциации индийцев в России Санджит Кумар Джха, присутствовавший на судебных заседаниях, заявил в СМИ, что происходящее является следствием некомпетентности и недостаточной образованности привлечённых экспертов.

Международная реакция существенно повысила политическую и общественную значимость процесса, выведя его за рамки сугубо регионального и правового спора.

Удовлетворение иска прокурора Федотова грозило России серьезными геополитическими осложнениями в отношениях со стратегическим партнером. Впервые в истории подобных процессов «телефонное право» столкнулось с геополитической реальностью.

Вердикт и иллюзия победы

28 декабря 2011 года судья Галина Бутенко вынесла решение: в удовлетворении заявления прокурора о признании книги экстремистским материалом отказать.

Это решение было воспринято как победа здравого смысла. Уполномоченный по правам человека в Томской области Нелли Кречетова, последовательно выступавшая против процесса, публично заявила, что суд поставил точку в абсурдной попытке рассматривать священный текст в логике уголовного преследования. Она подчеркнула, что возможный запрет нарушил бы конституционные права граждан, включая свободу совести и вероисповедания.

Казалось, что правовая система сработала: фальсификация была вскрыта, некомпетентные эксперты посрамлены, а невиновные оправданы. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, для системы, управляемой связкой силовиков и идеологов РАЦИРС, это поражение стало сигналом к началу карательной операции.

«Охота на ведьм»: Дело Николая Карпицкого

Первой и главной жертвой мести системы стал профессор Николай Карпицкий. Его публичная позиция заключалась не только в том, что он критиковал доводы обвинения в суде, но и в том, что после завершения процесса он опубликовал статью «Как привлечь ангажированных экспертов к ответственности?».

Опираясь на статью 307 УК РФ, Карпицкий предлагал юридическому сообществу рассмотреть возможность создания прецедентов ответственности экспертов за заведомо ложные заключения. Он начал систематизировать и анализировать

материалы, указывая на признаки недобросовестности в экспертизах, выполненных сотрудниками ТГУ и КемГУ. Тем самым он посягнул на фундамент репрессивной машины — безнаказанность исполнителей.

Реакция последовала незамедлительно. В течение короткого времени Николай Карпицкий был уволен сразу из двух высших учебных заведений Томска — Сибирского государственного медицинского университета и Томского государственного университета. Формальные причины увольнения не могли скрыть истинной подоплеки: это был запрет на профессию.

Увольнение ученого с мировым именем, чья квалификация была подтверждена в суде, стало актом устрашения для всего академического сообщества. Сигнал был предельно ясен: любой эксперт, который осмелится выступить против заказа ФСБ и РАЦИРС, будет лишен средств к существованию и выдавлен из научной среды.

Расширение круга репрессий: Кузичкин и Кречетова

Карательная волна затронула не только ученых, но и чиновников, проявивших принципиальность.

Андрей Кузичкин, начальник департамента культуры Томской области, известный своей позицией по поддержке межрелигиозного диалога и толерантности, стал фигурантом уголовного дела. Его преследование, формально не связанное с процессом по «Бхагавад-гите», по времени и интенсивности совпало с активностью структур, инициировавших суд. Кузичкин был вынужден покинуть свой пост и впоследствии эмигрировать, спасаясь от тюрьмы.

Омбудсмен Нелли Кречетова подверглась беспрецедентной информационной травле. В ряде публикаций на антикультовых и околорелигиозных интернет-ресурсах, ассоциируемых с деятельностью Александра Дворкина и Максима Степаненко, была развёрнута кампания по дискредитации уполномоченного по правам человека. Её обвиняли в «пособничестве сектантам» и «предательстве национальных интересов». Давление на Кречетову имело целью парализовать институт правозащиты в регионе, показав, что даже статус омбудсмена не гарантирует неприкосновенности перед лицом идеологического заказа.

Анализ механизма мести

Действия системы после провала в суде демонстрируют характерную модель поведения, которую можно квалифицировать как «административный терроризм».

- Использование административного ресурса вузов: Ректораты университетов, вместо того чтобы защищать академическую свободу, выступили исполнителями воли спецслужб, увольняя неугодных преподавателей (кейс Карпицкого).
- Синхронизация действий: Увольнения, уголовные дела и медийная травля происходили синхронно, что указывает на единый центр координации, роль которого, как мы установили ранее, выполняли кураторы из ФСБ при идеологической поддержке РАЦИРС.
- Отсутствие правовых последствий для фальсификаторов: Несмотря на публичное разоблачение в суде, ни один из экспертов обвинения (Аванесов, Наумов, Осадчий, Дранишников) не понес ответственности по статье 307 УК РФ. Напротив, они сохранили свои должности и продолжили карьеру, что подтверждает тезис Главы 1 о неработающем механизме ответственности эксперта.

Заключение

Победа в «Томском деле» стала историческим событием, но ее цена оказалась непомерно высокой. Гражданское общество выиграло битву за книгу, но вокруг дела возникли болезненные последствия для ряда людей.

Судьба Николая Карпицкого, Андрея Кузичкина и Нелли Кречетовой доказала, что в современной России институт судебной экспертизы и правосудия неотделим от карательного аппарата. Любая попытка вернуть процесс в русло законности и научной объективности рассматривается системой как угроза, подлежащая нейтрализации.

Главный вывод, который сделали кураторы репрессий из своего поражения в Томске, был сугубо прагматичным. Они осознали, что работа с экспертами из государственных университетов несет в себе риски: в академической среде все еще

сильны принципы научной этики и корпоративной солидарности, способные разрушить заказное дело.

Системе требовались новые исполнители — абсолютно управляемые, лишенные репутации, которую можно потерять, и готовые подписывать любые бумаги. Именно после 2012 года начинается мутация механизма: переход от использования вузовских кафедр к созданию сети фиктивных ООО и АНО.

Глава 6. Мутация механизма: От университетов к фирмам-однодневкам

Как было установлено в главах 3–5, попытка использования академического ресурса государственных университетов для легализации репрессий в «Томском деле» привела к тактическому поражению заказчиков. Научное сообщество, несмотря на давление, сохранило остатки институциональной резистентности: ученые дорожили репутацией, а процедуры рецензирования в вузах создавали нежелательные риски разоблачения. Для архитекторов системы — кураторов из ФСБ и идеологов РАЦИРС — стало очевидно: академическая наука слишком неповоротлива и ненадежна для задач конвейерного преследования.

Кризис «университетской модели»

Анализ последствий «Томского казуса» показывает, что использование вузовских экспертов стало токсичным для самой системы преследования. Жёсткая публичная критика, которую устроили защитники экспертам Аванесову и Осадчему, показала уязвимость людей, встроенных в официальную иерархию образования. Ученые степени, призванные придавать вес обвинению, становились мишенями для критики: доктора наук боялись потерять лицо перед коллегами.

Кроме того, бюрократическая машина университетов требовала соблюдения формальностей: приказов, договоров, проведения через канцелярию. Как показал

опыт ТГУ, именно на этом этапе возникали документальные следы (справки об отсутствии полномочий), которые защита эффективно использовала в суде.

Ответом на эти вызовы стала приватизация функции судебной экспертизы. Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», экспертиза может проводиться не только в государственных учреждениях, но и негосударственными экспертами. Именно эту норму использовали структуры, аффилированные с Александром Дворкиным, для построения новой схемы.

ООО «Волченск»: Пушные звери и борьба с экстремизмом

Наиболее гротескным примером деградации экспертного института является деятельность ООО «Волченск», зарегистрированного в Ростовской области. Этот кейс наглядно демонстрирует, что для системы квалификация эксперта перестала иметь какое-либо значение.

Согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), основным видом деятельности ООО «Волченск» являлось «разведение прочих пушных зверей на фермах». Организация, созданная для выращивания норок и нутрий, внезапно стала поставщиком судебных экспертиз по сложнейшим вопросам религиоведения и психологии.

Учредителем и ключевым «экспертом» данной структуры выступил Валерий Приходько. Аудит его биографии, судя по публикациям СМИ и расследовательским материалам, содержит факты, несовместимые со статусом судебного эксперта. В частности, в ряде публикаций утверждается, что Приходько был осуждён Каменским районным судом Ростовской области на 11,5 лет лишения свободы по делу, связанному с насильственной смертью человека.

После освобождения в 2011 году бывший заключенный, не имея профильного религиоведческого образования, учредил фирму и объявил себя начал позиционировать себя как специалиста по «экстремизму». В качестве методологической базы он использовал труды Александра Дворкина, что подтверждается анализом текстов его заключений.

Парадокс ситуации заключается в том, что правоохранительные органы и суды принимали заключения от звероводческой фирмы уголовника как допустимые доказательства. Это подтверждает тезис: в системе, где ст. 307 УК РФ не работает, экспертом становится любой, кто готов транслировать позицию обвинения. Приходько также зарегистрировал МОО «Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности», создав видимость общественной значимости, хотя фактически организация состояла из одного человека.

Челябинский кластер: АНО без права на деятельность

Если случай с «Волченском» можно списать на региональный эксцесс, то деятельность структур в Челябинской области демонстрирует системный подход РАЦИРС к созданию псевдоэкспертных центров.

Здесь ключевую роль играла АНО «Центр культурологических и религиоведческих исследований, социально-политических технологий и образовательных программ». Директором организации являлась Елизавета Щетинина, а ее куратором и соавтором — Константин Путник, руководитель миссионерского отдела Челябинской епархии РПЦ.

Юридический анализ уставных документов данной АНО выявляет критическое нарушение. В кодах экономической деятельности (ОКВЭД) организации отсутствовал код, разрешающий судебно-экспертную деятельность. Основным видом деятельности значились «научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук». Тем не менее, суды регулярно поручали этой структуре проведение судебных экспертиз.

Связь с РАЦИРС здесь прослеживается напрямую: Константин Путник является давним соратником Александра Дворкина. Методология их работы полностью повторяла схему, описанную ранее: под видом научного анализа в судебные акты имплементировались теологические установки православного миссионерства. Однако теперь это делалось не через государственный вуз, а через частную «лавочку», что позволяло избегать академических рецензий.

Феномен «эксперта-оборотня»: Казус Олега Заева

Переход к использованию лиц без профильного образования породил специфический феномен, который можно назвать «экспертом-оборотнем». Ярчайшим примером служит карьера Олега Заева, который на протяжении многих лет выступал в качестве эксперта по делам о сектах, работая в тесной связке с вице-президентом РАЦИРС протоиереем Александром Новопашиным.

Заев, имея базовое образование инженера (Новосибирский электротехнический институт), не обладал компетенциями в области психологии, религиоведения или лингвистики. Тем не менее, его справки и заключения ложились в основу уголовных дел и приговоров, а его статус «эксперта» на практике принимался как данность, пока он оставался в рамках этой среды.

Истинное отношение заказчиков к квалификации таких кадров вскрылось в момент внутреннего конфликта. Когда Заев в 2017 году был исключён из РАЦИРС и уволен из Информационно-консультационного центра при соборе в Новосибирске, его бывшие покровители (в частности, Александр Новопашин) публично дезавуировали его компетентность. Было заявлено, что Заев — «сомнительный специалист с самопровозглашенной экспертизой», не имеющий профильного образования.

Этот эпизод является «явкой с повинной» для всей системы РАЦИРС. Руководство организации признало, что десятилетиями использовало инженера для фабрикации гуманитарных экспертиз, прекрасно осознавая его некомпетентность. Это доказывает, что отсутствие знаний не является барьером для входа в антикультовую систему; единственным критерием является управляемость. Как только лояльность исчезает, «эксперт» мгновенно превращается в шарлатана, хотя его методы работы не менялись.

Экономика симулякра: Почему это выгодно?

Создание сети ООО и АНО имеет под собой и экономический базис. В отличие от государственных учреждений, где сроки проведения экспертиз могут затягиваться на месяцы из-за бюрократии и загруженности, частные структуры, подобные «Волченску» или челябинскому АНО, обеспечивают конвейерную скорость.

Анализ рынка показывает, что такие фирмы часто демпингуют или работают за счет грантов и субсидий, выделяемых на «профилактику экстремизма». Для следователя работа с такой структурой удобна:

1. **Скорость:** заключение может появляться за несколько дней (часто методом копирования, как у Осадчего, но без риска академической проверки).

2. **Предсказуемость:** частный эксперт, чей бизнес зависит от потока заказов из органов, может быть мотивирован давать выводы, совпадающие с ожиданиями заказчика.

3. **Отсутствие контроля:** у ООО нет ученого совета, кафедры или ректората, которые могли бы вмешаться.

Информационное прикрытие

Параллельно с созданием юридических лиц-пустышек, РАЦИРС усовершенствовала методы информационного сопровождения. Если в Томске Максим Степаненко действовал относительно прямолинейно, то новые структуры начали маскироваться под правозащитные и гражданские инициативы.

Названия организаций — «Центр содействия государству...», «Центр культурологических исследований...» — призваны мимикрировать под государственные институты. Это вводит в заблуждение суды и общественность. Справка, выданная такой организацией, внешне выглядит как серьезный документ, хотя за ней стоит звероферма или квартира частного лица.

Кроме того, используется тактика перекрестного цитирования. «Эксперты» из разных регионов (Приходько в Ростове, Путник в Челябинске) могут ссылаться друг на друга и на работы Дворкина, создавая иллюзию научного консенсуса. Википедия и подконтрольные ресурсы активно редактируются для придания веса этим фигурам, в то время как критика зачищается.

Заключение

К 2015 году мутация механизма завершилась. Система отказалась от попыток придать репрессиям наукообразный вид через авторитет университетов. «Томский урок» был усвоен: наука мешает террору.

Новая модель опирается на сеть маргинальных коммерческих структур и НКО, возглавляемых людьми с сомнительным прошлым (уголовники, инженеры, фанатики), которые полностью зависят от заказчиков. Экспертиза окончательно превратилась в товар, производимый фирмами-однодневками.

Этот переход развязал руки силовикам. Больше не нужно уговаривать деканов или бояться рецензий из Академии наук. Достаточно отправить запрос в ООО «Волченск» или аналогичную контору, чтобы получить нужную бумагу.

Глава 7. Современная практика уничтожения

Коммерциализация репрессий: Казус Елены Брессем

Если «Томское дело» было процессом с выраженной идеологической составляющей, то дело Елены Брессем вскрывает новую, циничную грань функционирования РАЦИРС — использование антисектантской риторики как инструмента в частном семейном споре. Это дело демонстрирует, что репрессивный ресурс, накопленный структурой Дворкина, стал товаром, доступным для «найма».

Суть конфликта, развернувшегося в 2014 году, лежала в плоскости семейного права: раздел имущества и опека над детьми после развода Елены Брессем с крупным пермским бизнесменом Александром Брессем. Однако, чтобы получить преимущество в суде и отобрать детей, бывший супруг прибег к услугам структур РАЦИРС.

Ключевым оператором схемы, по словам Елены, выступал Александр Корелов — адвокат, официально представляющий интересы Александра Дворкина и являющийся активным функционером РАЦИРС. Стратегия защиты была подменена стратегией дискредитации: Елену Брессем обвинили в причастности к

«тоталитарной секте» на том основании, что она работала в компании сетевого маркетинга Herbalife.

Механизм, описанный в медийных источниках, выглядел так:

1. **Заказная экспертиза:** Суду был представлен документ с печатями Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), утверждающий, что Herbalife является деструктивным культом, а Елена — его адептом с измененной психикой.

2. **Свидетель-гастролер:** Александр Дворкин лично прибыл в суд для дачи показаний. Примечательно, что он никогда не был знаком с Еленой Брессем и не проводил ее обследования. Его показания строились исключительно на теоретических рассуждениях о вреде «сект», которые суд, тем не менее, принял как доказательство вины конкретного человека.

3. **Карательная психиатрия:** На основании «заключения» ПСТГУ и показаний Дворкина была предпринята попытка признать Елену невменяемой и поместить ее в психиатрический стационар.

Этот кейс является маркером деградации правосудия. Гражданско-правовой спор был искусственно криминализирован. Структуры РАЦИРС выступили здесь как частная военная компания (ЧВК) на идеологическом фронте: они предоставили заказчику (мужу) полный пакет услуг — от адвоката Корелова до «эксперта» Дворкина — для уничтожения оппонента.

Как отмечает психолог-клиницист А. Мурашова, в данном деле психологические и философские понятия были свалены в «синкретическую кучу» без какой-либо научной обоснованности. Однако для суда авторитет Дворкина и агрессивная позиция адвоката Корелова перевесили факты. Итогом стало фактическое разрушение семьи и использование детей как заложников, при этом сама Елена была вынуждена годами отбиваться от попыток принудительной госпитализации.

Инженер человеческих душ: Дело Юрия Савельева

Если дело Брессем иллюстрирует использование механизма в гражданском процессе, то дело Юрия Савельева демонстрирует его летальную эффективность в уголовном судопроизводстве. Приговор Юрию Савельеву — 6 лет колонии общего

режима — стал одним из самых суровых по делам о свободе совести в современной России. И фундаментом этого приговора послужила справка, составленная человеком, не имеющим профильного образования.

В основе обвинения лежало заключение Олега Заева. Как мы упоминали ранее при анализе феномена «экспертов-оборотней», Заев по образованию является инженером-электриком (выпускник Новосибирского электротехнического института). Он не имеет диплома религиоведа, психолога, лингвиста или социолога. Его статус «эксперта» базировался исключительно на доверенности от Александра Дворкина и многолетнем сотрудничестве с протоиереем Александром Новопашиным (вице-президентом РАЦИРС).

Анализ процессуальной уязвимости доказательства: Суд принял в качестве доказательства вины Савельева документ, составленный инженером Заевым, в котором тот рассуждал о тонкостях теологии и психологии влияния.

1. Отсутствие компетенции: Защита указывала на то, что техническое образование эксперта не дает ему права оценивать религиозные тексты и практики. Согласно ст. 57 УПК РФ, эксперт — это лицо, обладающее *специальными знаниями*. Знания об электрических цепях не являются специальными для анализа вероучения.

2. Идеологическая ангажированность: Заев открыто использовал терминологию и методологию Дворкина, рассматривая подсудимого не как гражданина, а как «адепта деструктивного культа», подлежащего изоляции.

3. Признание несостоятельности: Самым шокирующим доказательством неправосудности приговора является тот факт, что впоследствии сами кураторы Заева признали его некомпетентность. После внутреннего конфликта в структуре РАЦИРС протоиерей Александр Новопашин публично назвал Заева «сомнительным специалистом с самопровозглашенной экспертизой».

Тем не менее, человек отбывает реальный шестилетний срок на основании бумаги, написанной «сомнительным специалистом». Это доказывает, что в современной российской судебной практике вопрос квалификации эксперта снят с повестки дня. Если в 2011 году в Томске суду еще требовались доктора наук из ТГУ (пусть и ангажированные), то сегодня достаточно справки от человека без профильного образования. Конвейер упростился до примитивизма, но стал от этого только эффективнее.

Статистика безысходности

Анализ судебной статистики по делам, где фигурируют экспертизы от структур, аффилированных с РАЦИРС (будь то ООО «Волченск», АНО Елизаветы Щетининой или частные заключения Заева), выявляет пугающую закономерность: процент оправдательных приговоров стремится к нулю.

Это свидетельствует о том, что состязательность сторон, которая еще теплилась во время «Томского казуса» благодаря позиции научного сообщества, сегодня в ряде дел может быть существенно ослаблена. Суды нередко отвергают рецензии независимых специалистов (даже докторов наук из РАН), отдавая безусловный приоритет «экспертам» обвинения.

Причина этой аномалии кроется в институциональной ловушке, описанной нами в Главе 1. Статья 307 УК РФ практически слабо работает как механизм дисциплинирования экспертов. За прошедшее десятилетие не было создано ни одного прецедента привлечения псевдоэкспертов к уголовной ответственности за ложные заключения по делам об экстремизме. Чувство абсолютной безнаказанности привело к тому, что фальсификация стала нормой. Эксперты больше не утруждают себя даже видимостью научности — они просто копируют обвинительные заключения следователей или пишут идеологические памфлеты (как Заев).

Синтез механизма: Черный ящик репрессий

Обобщая данные, можно реконструировать полную схему работы этого юридического конвейера в его нынешнем виде. Это замкнутая самовоспроизводящаяся система, состоящая из трех блоков:

Блок 1: Инициация и легитимация (Вход)

Субъекты: ФСБ, Центры «Э», Прокуратура, а также в отдельных случаях частные инициаторы (через адвокатов типа Корелова).

Инструмент: Идеологическая база, разработанная Дворкиным (термин «тоталитарная секта», дегуманизация оппонентов).

Функция: Выбор жертвы и формирование заказа на репрессию. Как показал кейс Брессем, жертвой может стать любой гражданин, а не только член религиозной организации.

Блок 2: Фабрикация доказательств (Процессинг)

Субъекты: Сеть негосударственных экспертных площадок (ООО/АНО), а также отдельные “эксперты” без профильного образования.

Инструмент: Псевдонаучные методики, компиляции/заимствования и идеологически заряженная терминология.

Функция: Трансформация политического или коммерческого заказа в форму юридического документа — «Заключения эксперта».

Блок 3: Легализация расправы (Выход)

Субъекты: Суды.

Инструмент: Игнорирование ст. 307 УК РФ, отказ в приобщении альтернативных экспертиз.

Результат: лишение свободы (Савельев), попытки психиатрического давления (в деле Брессем — по версии самой Брессем и медийных пересказов), имущественные и организационные последствия.

Эта система автономна. Ей больше не нужен «ручной режим» управления, который применял Великоцкий в Томске. «Эксперты» на местах (в Ростове, Челябинске, Новосибирске) знают, что от них требуется, и штампуют заключения поточным методом.

Диагноз правовой системе

Проведенное исследование позволяет сделать неутешительный вывод. В России под прикрытием борьбы с экстремизмом и защиты духовной безопасности в ряде кейсов формируется параллельный правовой механизм, который критики характеризуют как антиправовой.

Александр Дворкин и созданная им структура РАЦИРС, интегрировавшись в государственные институты (Минюст) и наладив симбиоз с силовыми структурами, осуществили подмену понятий. Судебная экспертиза из инструмента установления истины превратилась в антикультовое орудие легализации произвола.

Было показано, что:

1. **Квалификация не важна:** Антикультовой системе удобнее работать с некомпетентными исполнителями (инженерами, звероводами), так как они полностью управляемы.

2. **Ответственности нет:** Статья 307 УК РФ парализована требованием доказывать «прямой умысел», что дает карт-бланш на любую ложь.

3. **Цель — уничтожение:** Антикультовая система не исправляет и не предупреждает; она уничтожает социальный статус, свободу и психическое здоровье оппонента.

«Томский казус», с которого началась эта книга, был последней попыткой гражданского общества остановить этот маховик правовыми методами. Провал той попытки (не в зале суда, а в долгосрочной перспективе) привел к тому, что сегодня любой гражданин России может быть признан экстремистом, сумасшедшим или преступником на основании справки, подписанной человеком, разводящим пушных зверей или проектирующим электросети.

Этот конвейер террора продолжает работать. И пока не будет разрушена его основа — монополия РАЦИРС на истину и безнаказанность лжеэкспертов — в зоне риска находится каждый, чьи взгляды или активы станут интересны заказчикам этой антикультовой машины.

Источники

1. Declarator.org. Федотов Виктор Васильевич — официальная декларация [Профиль]. https://declarator.org/person/21552/
2. ConsultantPlus. УК РФ: Статья 307. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e8cae43fbdb59a5be90789ce95775ae05e5a89f8/
3. CyberLeninka. Казус суда над «Бхагавад-гитой» Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа.
4. Forum 18 News Service. (2012, January 5). RUSSIA: Has “madness” of banning religious publications been stopped? https://www.forum18.org/archive.php?article_id=1652
5. karpitsky. (2012, 2 января). Кто настоящий инициатор суда над книгой «Бхагавад-гита как она есть»? LiveJournal. https://karpitsky.livejournal.com/63223.html
6. Tomsk.ru. (2012, 24 февраля). Томская епархия насчитала в области 50 сект. https://www.tomsk.ru/news/view/54217-tomskaya-yeparkhiya-naschitala-v-oblasti-50-sekt
7. Ukodeksrf.ru. Статья 307 УК РФ с комментариями. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-10/gl-31/st-307-uk-rf
8. Vladivostok Eparchy. (2016, 1 сентября). Александр Леонидович Дворкин: «Дискуссии с сектантами нужно уметь вести». https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/krypnim-planom/?id=21119
9. vtomske.ru. (2012, 25 декабря). Вопрос ученому: в чем виновата «Бхагавад-гита»? https://vtomske.ru/details/44684-vopros-uchenomu-v-chem-vinovata-bhagavad-gita
10. Бачина, М. (2012, 20 марта). Кришнаит — значит, экстремист? Radio Europa Liberă (Moldova). https://moldova.europalibera.org/a/24522310.html
11. Запрещённое искусство (artprotest.org). (2011, 7 августа). 2011. Дело Бхагавад-Гиты (архивная копия). Wayback Machine. https://web.archive.org/web/20160304192831/http:/artprotest.org/index.php?

option=com_content&view=article&id=2838&chtoto=2011-&catid=4&2011-03-04-14-58-14=&Itemid=4&ordering2=4

12. Информационно-консультационный центр св. Иринея Лионского. Секты и культы. https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/
13. Иовлева, О. (2011, 30 декабря). Белые ленты и «красные» суды 2011 года. vtomske.ru. https://vtomske.ru/details/42662-belye-lenty-i-krasnye-sudy-2011-goda
14. Исследовательский центр «Сова». (2009, 14 апреля). Прокуратура отказала кришнаитам в возбуждении уголовного дела против руководителя миссионерского отдела Томской епархии. https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2009/04/d15748/
15. Комсомольская правда. (2012, 25 мая). Приамурье наводняют секты. KP.RU. https://www.amur.kp.ru/daily/25888/2849648
16. Краснов, А. (2011, 13 августа). Признать «Бхагавад-гиту» экстремистской с первого раза не удалось (Томск). GlobalSib. https://globalsib.com/11432/
17. Краснов, А. (2011, 19 августа). Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхагавад-гите как она есть». GlobalSib. https://globalsib.com/11485/
18. Кузьмин, А. (2010, 14 мая). Секты создают свои «правозащитные» организации. Миссионерский отдел Новосибирской епархии (ansobor.ru). https://www.ansobor.ru/news.php?news_id=988
19. Миссионерско-апологетический проект «К Истине». Пресс-конференция "Тоталитарные секты: угроза личности, семье, обществу и государству" ИА "Интерфакс-Сибирь" 21 февраля 2012 года. Стенограмма пресс-конференции отредактированная и исправленная. https://k-istine.ru/apologia/apologia_dvorkin_in_tomsk-2012-02.htm
20. Миссионерско-апологетический проект «К Истине». Травля людей в Православной Церкви. https://www.k-istine.ru/base_faith/church/church_vazenmiller.htm
21. Сальвадорэ, Д. (2014, 11 ноября). Сектоведы по вызову. ГолосИслама.RU. https://golosislama.com/news.php?id=25347
22. Фищук, А. А. (2023, 2 июня). Как доказать заведомую ложность заключения эксперта на примере экспертизы. Почему ответственность по ст. 307 УК РФ нужно ужесточать. Праворуб. https://pravorub.ru/articles/101885.html

23. Чел корреспондент. (2015, 28 апреля). Александр Дворкин в Челябинске [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=em74fYb_0h8
24. Шакиров, М. (2009, 10 апреля). Экспертов подвергли анализу. Радио Свобода. https://www.svoboda.org/a/1606433.html